

Из дантяня седьмого принца по всему телу разлился горячий поток. Воздушная волна вокруг него в мгновение ока вырвалась за пределы маленького шатра, поглощая всё снаружи.

В обычно кротких и безобидных светлых глазах затаилась острая, леденящая дух жажда крови. Словно повинуясь инстинкту, седьмой принц за долю секунды оценил боевую силу и расстановку врагов в шатре, и в его голове промелькнули идеальная траектория и приемы для их последовательного уничтожения. Он был похож на льва, выращенного антилопой: изголодавшись до предела, он пробудил заложенный в крови инстинкт хищника, который более невозможно было сдержать.

От автора:

Старый отец Лу Цзыяо: Кто? Кто сказал, что папа — антилопа? Разве папа не плешивый белый кролик?

Седьмой кроха: Я сказал.

Старый отец Лу Цзыяо: У-а-а-а! Холодная ночь засыпает мое лицо, бунт моего сына ранит мое сердце...

Для урожденного охотника инстинкты опережают мысли. Чутье жертвы к опасности не способно опередить движения первоклассного хищника.

Если бы в этот миг инстинкты седьмого принца были лишены той душевности и тепла, что за последние десять лет пустили корни в его сердце в той обстановке, где он рос, он не увидел бы на лице третьего принца слово «брат». Траектория убийства, продиктованная инстинктом, начиналась именно с того человека, на чьем лице читалось «брат», и это вызвало мимолетное расхождение между его телом и разумом.

Лишь в это короткое мгновение жертва, припоздав на полшага, почувствовала угрозу.

Длинный меч в руке третьего принца все еще капал кровью. Он повернул голову, собираясь насмешливо улыбнуться младшему брату, но едва их взгляды встретились, как сердце в его груди внезапно сжалось от безотчетного страха — взгляд Седьмого внушал ужас. Примерно то же самое чувствуешь, когда на тебя уставился дикий зверь или огромная змея.

Инстинкт самосохранения заставил третьего принца немедленно достать козырь, припасенный еще до прихода:

— Ну и заставляете же вы брата переживать, два негодника! Всё это Лу Цзыяо, который день и ночь вьется вокруг вас, развратил вас. Третий брат как раз только что подослал людей, чтобы его увести.

Увидев, как взгляды обоих братьев одновременно сменились с враждебных на испуганные, третий принц окончательно убедился, что нащупал их болевую точку. На его лице расплылась сдержанная, благосклонная улыбка, и он погрозил им мягким тоном, словно старший, наставляющий несмышленишей:

— Будете и дальше озорничать — третий брат призовет Лу Цзыяо к ответу.

— Куда ты увел Лу Цзыяо?! — голос шестого принца дрожал.

— В безопасное место, — третий принц наклонился, вытер кровь с лезвия о труп, вложил меч в

ножны и неторопливо продолжил: — Будьте послушными, идите со мной во главе войска добивать остатки киданей, отомстите за отца-императора, и тогда я дозволю Лу Цзыяо вернуться с вами во дворец.

— Мы уже приняли капитуляцию киданей. Если мы нарушим слово, что будет с пятым? — шестой принц изо всех сил пытался сохранить хладнокровие и вести переговоры.

— Твой пятый брат тоже не согласится вот так просто отпустить этих киданьских собак, — усмехнулся третий принц, вскинув бровь.

— Брат, верни Лу Цзыяо вашему покорному слуге.

Услышав, как тон седьмого брата внезапно сменился с непреклонного на ласкательно-умоляющий, третий принц едва не расхохотался. Пусть этот толстый братишка и был с приветом, настоящий дурачок, но иной раз проявлял невероятную сообразительность. К примеру, хотя он и путался в обращениях к самому себе, в этом прослеживалась закономерность: обращение «ваш покорный слуга» Седьмой использовал только тогда, когда демонстрировал слабость.

Эта неожиданная покорность подняла настроение третьему принцу, упустившему престол наследного принца. По логике вещей, за подобной покорностью должно было следовать подчинение.

Поэтому третий принц, еще не успев толком расплыться в улыбке, никак не ожидал, что седьмой принц сорвется с места подобно стреле. Движение было столь стремительным, что едва третий принц успел хотя бы среагировать, как внезапный удар кулаком выбил ему зуб с левой стороны челюсти, а само тело под тяжестью этого удара повалилось на землю.

Вместе со сладковатым вкусом крови обломок зуба соскользнул к корню языка, и третий принц едва его не проглотил.

— Верни Лу Цзыяо вашему покорному слуге?

Когда лезвие меча седьмого принца уперлось ему в горло, пред глазами у третьего принца все еще плыли золотые мушки, но он снова услышал эту просьбу, произнесенную капризно-умоляющим тоном.

Только тут Тун Нинчжао пришел в себя. Едва он собрался схватить клинок и броситься вперед, как седьмой принц, прижавший третьего принца коленкой к земле, холодно вскинул взгляд и надавил лезвием на пару милей глубже.

— Ваше высочество, не совершайте глупостей! — благоразумно отступил на шаг Тун Нинчжао.

Третий принц изо всех сил зажмурился и моргнул; предметы перед глазами наконец перестали кружиться. Позор от поражения от рук младшего брата с одного удара пересилил страх, и он тут же потянулся к мечу на поясе.

Седьмой принц уперся коленом ему в грудь, левой рукой держа рукоять меча, а правой нанес боковой удар, в мгновение ока загнав наполовину вытащенный клинок обратно в ножны, и тут же въехал кулаком ему в солнечные сплетения.

— Кха! — глаза третьего принца широко раскрылись от невыносимой боли, лишившей его голоса, и он лишь беспомощно хватал воздух ртом, словно выброшенная на берег рыбешка.

— Верни Лу Цзыяо вашему покорному слуге?

Под чередой сокрушительных ударов третий принц снова услышал эти слова, звучавшие почти с детской мольбой. И тут его осенило: Седьмой вовсе не перед ним демонстрировал слабость — он демонстрировал слабость перед самой мыслью о «потере Лу Цзыяо».

Этот маленький компаньон, выросший бок о бок с Седьмым, действительно был ему настолько дорог!

— Давай, рази! — хрипло тяжело дыша, третий принц оскалился в лютой ухмылке. — Ах ты, бунтующий выродец! Чтобы удержать за собой временное место наследного принца, ты готов убить брата, вступить в сговор с врагом и бросить наследного принца на произвол судьбы! Давай же, наноси удар! Когда я отправлюсь в подземный мир, то обязательно разыщу твоего маленького компаньона и спрошу у него, как он умудрился вырастить из моего брата такое зверье!

— Лу Цзыяо не пойдет в подземный мир, — твердо возразил седьмой принц третьему брату. — Ваше высочество вернет его во дворец.

— А ты знаешь, где он? — третий принц саркастически хмыкнул, оскалив жуткие окровавленные зубы, и медленно поднял голову. Не обращая внимания на то, что лезвие рассекает кожу на шее, он уставился на седьмого принца и тихо прошипел: — Куда бы я ни отправился, я непременно заберу его с собой. Давай, рази, Седьмой.

*

Лу Цзыяо со связанными руками и ногами, кляпом во рту и повязкой на глазах уже оставил попытки промычать о помощи: продолжение мычания сулило новые побои, от которых он мог скончаться от внутреннего кровоизлияния.

Абсолютно незнакомое окружение заставляло время тянуться бесконечно. Продержавшись совсем немного, Лу Цзыяо снова замычал: он предпочитал рисковать жизнью, лишь бы убедиться, что рядом с ним хоть кто-то есть и его не бросили в диких степях на растерзание хищникам.

Когда он в очередной раз замычал, мужчина, пинувший его по ноге, проворчал: «Чего ты орешь среди ночи?», — и от этих слов Лу Цзыяо перевел дух. Глубокой ночью ни один солдат не остался бы с ним один на один в западной пустоши, да и с момента нападения прошел всего лишь один полдень, хотя ему казалось, что прошел уже целый день.

Убедившись, что его положение не настолько безнадежно, чтобы умереть в любую секунду, Лу Цзыяо начал беспокоиться о малыше-толстячке. Раз люди третьего принца осмелились поднять на него руку, значит, они уже выложили карты на стол перед седьмым принцем.

Как там сейчас обстановка? Начались ли внутренние междоусобицы? На чьей стороне губернатор Северо-Запада?

Все эти тревожные мысли пришлось прервать лишь тогда, когда у него едва не лопнул мочевого пузырь. Он услышал приближающиеся мелкие шаги, а затем прибывший тихо произнес несколько фраз кому-то — похоже, это был пароль, которого Лу Цзыяо не разобрал.

Вслед за этим стражник развязал ему ноги, помог подняться, вытащил кляп изо рта и, толкнув в плечо, буркнул:

— Пошли.

— Куда? — хотя было видно, что собеседник не настроен на разговоры, Лу Цзыяо все равно неосмотрительно спросил.

Тот ничего не ответил, лишь сильнее толкнул его в спину.

С завязанными глазами Лу Цзыяо так и шел — его то подталкивали, то вели под руки: вперед, поворот, снова вперед.

Неизвестно, сколько они шли, но наконец стражник снял с него повязку и развязал веревки.

К тому моменту уже слегка рассвело. Лу Цзыяо немного подождал, пока глаза привыкнут к свету, и только потом открыл их. Он обнаружил, что вернулся к входу в военный лагерь. По ощущениям он прошел не меньше пяти ли, совершенно не представляя, куда его уводили до этого.

Стражник довел его за руку до самого шатра седьмого принца и бросил:

— Входи.

Лу Цзыяо даже засомневался, враг этот человек или друг: отпустить его обратно к малышу-толстячку было настоящим благодеянием! Чуть не плача от благодарности, он со всех ног юркнул в шатер.

С первым же взглядом он, как и надеялся, увидел сидящего на кушетке малыша-толстячка, однако следом за мимолетной радостью пришло осознание: по обе стороны от малыша стояли два высокопоставленных стражника армии семьи Тун.

Малыш-толстячок был переодет в повседневное облачение принца, и даже его меча при нем не было.

Малыш-толстячок, никогда в жизни не сталкивавшийся с подобным расставанием на грани жизни и смерти, сейчас выглядел поразительно спокойным. Сидя на месте, он поднял глаза и спросил Лу Цзыяо:

— Ты цел?

Лу Цзыяо заметил, что пухлые лапки малыша лежали на коленях, но в совсем не расслабленной позе: пальцы так сильно сжимали ноги, что побелели от напряжения.

<http://bllate.org/book/18379/1767141>